

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов III (XVII)
Международной конференции молодых ученых
(18—23 апреля 2016 г.)

Выпуск 17

Издательство Томского университета
2016

МЕТАЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

В статье рассматривается метаязыковая рефлексия М. И. Цветаевой, проявляющаяся в осмыслении и оценке особенностей своей и чужой речи. На основе анализа 412 писем автора выявлены основные объекты рефлексизирующего сознания автора, эталонные представления автора о речевой коммуникации, эпистолярном и художественном тексте, своеобразии метатекстов творческой личности в отличие от рядового носителя языка.

Ключевые слова: лингвоперсонология, М. И. Цветаева, метаязыковая рефлексия.

Тема исследования вписывается в антропоцентрическую парадигму современного языкознания, для которой характерны интерес к изучению языковой личности и внимание к проблемам метаязыковой рефлексии, предполагающей «осмысленное использование языка, т.е. наблюдение, анализ его различных фактов, оценку их, соотнесение своих оценок с другими, нормой, узусом»¹. Рефлексия в отношении языка активно изучается при характеристике рядовых носителей литературного и диалектного языка (А. Н. Ростова, И. Т. Вепрева, М. Р. Шумарина, Е. В. Иванцова, Т. А. Полякова, Э. Л. Трикоз и др.). Не менее актуально обращение к ее проявлениям в речи носителей элитарной речевой культуры, в число которых входит М. И. Цветаева. Анализ особенностей ее осмысления языка станет еще одним шагом к постижению личности одного из самых талантливых поэтов Серебряного века. Идиолект Цветаевой рассматривался в работах О. Г. Ревизной, М. В. Ляпон, А. В. Курьянович и других исследователей, однако метаязыковая рефлексия автора детально не изучалась.

Целью работы является выявление своеобразия метаязыковой рефлексии М. И. Цветаевой в ее эпистолярных текстах. Проанализировано 412 писем автора (1908–1923 гг.).

Основными объектами, на которые направлена метаязыковая рефлексия в письмах рассматриваемой языковой личности, являются текст и слово.

Рефлексия относительно ценности *беседы* указывает на особую важность для автора неформальной речевой коммуникации: *Человеческая беседа — одно из самых глубоких и тонких наслаждений в жизни: отдыхаешь самое лучшее — душу, берёшь то же взамен, и всё это легко, без трудностей и требовательности любви* (П. И. Юркевичу. 21.07.1916). В представлении Цветаевой словесное общение расценивается как

наслаждение — высшая степень проявления удовольствия, состояние удовлетворения чрезвычайно значимой для нее потребности в «обмене душами» — самым сакральным, чем может обладать человек. Сопоставление этого процесса с переживанием любви отражает особенности авторского сознания, которое характеризуется ассоциативностью и нетривиальным взглядом, позволяющим проводить разнообразные, широкие, а порой и неожиданные параллели.

Как разновидность такой беседы в эпистолярии М. И. Цветаевой часто оценивается речевой жанр письма. Рефлексия адресанта отражает его эталонные представления относительно содержания писем: *Вы вчера меня спросили, о чём писать мне. Пишите обо всём, что придёт в голову. Правда, только такие письма и можно ценить. Впрочем, если неохота писать откровенно — лучше не пишите* (П. И. Юркевичу. 22.06.1908); *Пишите. Пишите всё, что хочется, глядитесь в зеркало и измеряйте глубину* (А. В. Бахраху. 20.07.1923). Метатекстовый комментарий свидетельствует о том, что для Цветаевой необычайно важна откровенность, правдивость писем; в них должен быть абсолютно искренний обмен мыслями, эмоциями. Само написание письма, в авторском представлении, может быть подготовлено только глубоким искренним желанием.

Устанавливаемые поэтессой ассоциативные связи между письмом и сновидением позволяют выявить такие значимые для нее черты эпистолярного текста, как естественность и непредсказуемость: *Мой любимый вид общения — потусторонний: сон: видеть во сне. А второе — переписка. Письмо, как некий вид потустороннего общения, менее совершенно, нежели сон, но законы те же. Ни то, ни другое — не по заказу: снится и пишется не когда нам хочется, а когда хочется: письму — быть написанным, сну — быть увиденным. (Мои письма всегда хотят быть написанными!)* (Б. Л. Пастернаку. 19.11. 1922).

В зону рефлексии нередко попадает коммуникативный аспект эпистолярного текста, который имеет обязательный, в понимании языковой личности, компонент — наличие «оклика», мотивирующего написание письма. Таким образом, актуализируется установление контакта и наличие обратной связи: *Без оклика — никогда не напишу. <...> Когда бы Вы ни писали, знайте, что Ваша мысль — всегда в ответе. Где уж тут: стук в дверь: раз навсегда сорвана!* (Б. Л. Пастернаку. 10.02.1923).

У М. И. Цветаевой представлена также рефлексия относительно внутренних причин, побуждающих к творчеству, — событий, переживаний, эмоций, авторская оценка текстопорождения и восприятия собственного художественного текста: *Единственная радость — стихи. Пишу как пьют, — и не вино, а воду* (И. Г. Эренбургу. 21.10.1921).

Автором оцениваются, кроме того, особенности собственного идиостиля. Анализу подвергается выбор слов: *Принимаю во внимание Ваш совет насчёт очарований и разочарований. Соглашаюсь с Вами, что слишком люблю красивые слова* (П. И. Юркевичу. 4.08.1908). Цветаева хорошо осознает такую черту своих текстов (отмеченную впоследствии многими критиками), как отражение в речи свойственного ей отсутствия чувства меры: *Мои интимные письма — слишком интимны, официальные — слишком официальны* (Фельдштейнам. Октябрь 1916). Комментируются и черты идиостиля её адресатов или близких людей.

Частым объектом рефлексии М. И. Цветаевой становится слово. Употребляя ту или иную лексему, она нередко оценивает свое отношение к ней: *Купила себе — случайно, как всё в моей жизни, «полushалок» (обожаю слово!), сине-черный, вязаный* (Е. Л. Ланну. 6.12.1920). Через осмысление значения отдельного слова автор выходит к более широкой проблеме оценки слов вообще. Негативную характеристику получают те из них, которые связаны с чем-то телесным, бездуховным: *А «осязать» — нехорошее слово. <...> Осязать, это вроде обнюхивать, <...> это слово — теперь будьте внимательны — в своей отвлеченности (обоняние, осязание и пр.) более грубо, чем просто: обнять. Осязают только руки, обнимает — все-таки и всегда — душа!* (А. В. Бахраху. 5—6.09.1923). Оценка лексических единиц и их отбор соотносятся с их способностью передавать мысли и чувства автора. При этом категория словесного выражения как форма и категория эмоционального как содержание являются несоизмеримыми. Чувство поэта всегда оказывается шире, чем ограниченная узкая форма: *Для меня — все слова малы. И безмерность моих слов — только слабая тень безмерности моих чувств* (А. В. Бахраху. 14—15.07.1923).

Таким образом, в эпистолярной М. И. Цветаевой раскрываются эталонные представления автора о характере общения и жанре письма, художественном текстообразовании, идиостиле и его составляющих. Метатекстовые комментарии этой творческой личности отличаются высокой степенью субъективности и ассоциативности, существенно отличающей их от проявлений метаязыковой рефлексии рядовых носителей языка.

Примечание

1. Шмелева Т. В. Языковая рефлексия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. — Вып. I (VIII). — 1999. — № 2. — С. 108.